

A woman with short dark hair, wearing a dark blue sweater, stands in the foreground looking towards the right. In the background, a man with a ponytail, wearing a dark jacket and pants, stands on a wooden pier by a lake at dusk. The lake reflects the warm lights of houses and streetlights. A pink bicycle with a basket is parked on the left. The sky is dark with a crescent moon and stars.

«Я ВЕРНУСЬ,
КОГДА ТЫ МЕНЯ
ПОЛЮБИШЬ»

РЭЙ ХАРТ

18+

Рэй Харт

**Я вернусь, когда
ты меня полюбишь**

«Автор»

2026

Харт Р.

Я вернусь, когда ты меня полюбишь / Р. Харт — «Автор», 2026

Она не видела звёзд десять лет. Он ждал её всё это время. Эллисон Купер — директор крупной строительной компании в Лос-Анджелесе. У неё есть всё: квартира с панорамными окнами, счёт в банке, красавчик-модель в постели. Но однажды ночью она выходит на балкон, поднимает голову — и не видит звёзд. Она бросает всё и возвращается в маленький городок детства — к отцу, к старой комнате с обоями в цветочек, к озеру, где когда-то была счастлива. Там она снова встречает Логана — своего первого друга, первую любовь и единственного мужчину, которого она так и не посмела поцеловать. Теперь он вырос, стал хирургом, один воспитывает приёмную дочь и носит на руке татуировку — Полярную звезду. В её честь. Логан зол на неё. Он помнит, как она уехала, перестала писать и как он приехал к ней через два года, чтобы сделать сюрприз, а нашёл её в объятиях другого.

© Харт Р., 2026

© Автор, 2026

Рэй Харт

Я вернусь, когда ты меня полюбишь

Пролог

Секс никогда не длился больше одиннадцати минут.

Эллисон Купер знала это точно, потому что втайне засекала время на «Ролексе» — подарке к двадцатипятилетию от отца, который она носила на левом запястье и никогда не снимала. Даже в душе. Даже в постели. Особенно в постели.

Одиннадцать минут. Двенадцать, если Люк был в хорошем настроении и успел выпить два «эспрессо» перед встречей. Тринадцать — никогда.

Она лежала на простынях из египетского хлопка с плотностью нитей тысяча двести, которые обошлись ей в четыреста долларов, и смотрела на белую стену своей спальни. В углу комнаты работал очиститель воздуха — тихое шипение, смешанное с далёким гулом Лос-Анджелеса за окнами. Двадцать восьмой этаж. Панорамные окна от пола до потолка. Вид на город, который никогда не спит.

Люк скатился с неё так же буднично, как если бы слезал с велотренажера после двадцатиминутной кардиотренировки. Его идеально уложенные светлые волосы — каждая прядь на своём месте, спасибо личному стилисту — даже не растрепались.

— Отлично, — сказал он. Всегда говорил «отлично», как будто оценивал фотосессию. — Ты сегодня напряжена.

— Я всегда напряжена, Люк.

— Ну да. — Он уже натягивал боксёры — чёрные «Кельвин Кляйн», подчёркивающие идеальный пресс. В свои двадцать девять лет он был успешнее, чем когда-либо. «Лицо» бренда мужской косметики, рекламные щиты по всему городу. — Может, тебе нужно расслабляться чаще.

Эллисон не ответила. Она ждала.

Ровно три минуты вежливости — это был их негласный ритуал. Три минуты, в течение которых Люк делал вид, что ему не все равно, а она делала вид, что ей не одиноко. Потом он шёл в душ, затем возвращался, спрашивал: «Что на ужин?», хотя отлично знал, что она не готовит. Никогда не готовит. У неё есть рестораны на доставке, шеф-повар на заказ для вечеринок и холодильник, в котором стоят только вода, йогурты и забытый кем-то контейнер с проросшими ростками пшеницы.

Человек, который живёт на двадцать восьмом этаже с видом на весь Лос-Анджелес, не должен готовить.

— Что на ужин?

— Я закажу «Цукидзи», — сказала она.

— Снова суши?

— Тебе не нравится?

— Нравится. — Он пожал плечами, и в этом жесте было что-то капризное. — Просто... разнообразие, Купер. Разнообразие.

Никто не называл её Элли. Обычно его имя для неё было «Купер». Потому что в их отношениях — если это можно было назвать отношениями — она была начальником, а он — кем-то вроде дорогого аксессуара.

Она села, натянула шелковый халат цвета слоновой кости и пошла на кухню. Босиком по холодной керамической плитке. Каждый шаг — щелчок, отдающий в позвоночник. Вчера она подписала контракт на три миллиона долларов. Позавчера уволила менеджера проекта за

то, что тот позволил себе опоздать на встречу с инвесторами. Завтра — встреча с городским советом по поводу нового жилого комплекса в Санта-Монике.

Ей двадцать восемь. Она директор строительной компании «Купер Индастриз» — той самой, которую отец основал двадцать лет назад и с таким трудом удержал после смерти матери. Она умна, амбициозна, успешна. У неё квартира с панорамными окнами, машина с откидным верхом, счёт в банке, который позволял бы не работать следующие сто лет, и парень, который выглядит так, будто сошёл со страницы журнала.

Ей должно быть хорошо.

Она ДОЛЖНА чувствовать себя счастливой.

На кухне было темно. Эллисон не включала свет — знала расположение каждой ручки, каждой кнопки, каждого ножа в этом идеально спланированном пространстве. Открыла холодильник. Белый свет выхватил из темноты: три вида минеральной воды, упаковка клубничного йогурта (просроченного, судя по дате — на прошлой неделе), половинка лимона в пластиковом контейнере, пропавшие ростки и бутылка «Шато Марго» 2015 года, которую подарил китайский инвестор и которую она так и не открыла.

Закрывает холодильник. Подумала о том, чтобы заказать суши. Потом передумала.

Телефон завибрировал на мраморной столешнице. Эллисон взяла его, ожидая увидеть сообщение от отца. Но нет.

«Купер, ты завтра на планерку в девять? Надо обсудить смету по Уилшир-бульвар. Дженкинс снова вставляет палки. Дэвид».

Дэвид Блэквуд, её заместитель. Хороший парень. Немного трусоват, но исполнитель. Женат, двое детей, каждое утро пробегает десять километров по пляжу Венис. И он, кажется, счастлив.

Эллисон набрала ответ: «Буду. В восемь тридцать у меня звонок с Ким, закончим к девяти. Подготовь таблицы по бетону».

Отправила.

Поставила телефон на зарядку.

Взяла бокал — хрустальный, ручной работы — налила воды.

И вышла на балкон.

Он был большим. Огромным по меркам Лос-Анджелеса. Тридцать квадратных метров — больше, чем жилая площадь большинства студий в этом городе. Шезлонг из ротанга, стеклянный столик с журналами по дизайну интерьеров, керамические горшки с оливковыми деревьями, которые поливал садовник, приходивший раз в неделю.

Ночной воздух был тёплым и сухим.

Пахло бензином, нагретым асфальтом, цветущим жасмином с балкона соседней этажом ниже. Город шумел: сигналы машин, сирена где-то в центре, вертолёт, всегда вертолёт.

Эллисон подошла к перилам, поставила бокал с водой на стеклянную поверхность и подняла голову.

Высоко.

Очень высоко.

Небо Лос-Анджелеса ночью — это не небо. Это световая завеса. Миллионы огней отражаются от смога, создавая иллюзию тёплой дымки, в которой тонут звезды. Там, где-то за этой дымкой, должна быть бесконечность. Темнота. Миллиарды мерцающих точек.

Эллисон не видела звезд.

Она стояла и смотрела на пустоту. На грязно-оранжевое море, которое называется «небом» в этом городе. И вдруг поняла — холодно, отчётливо, как понимают собственную обречённость, — что не видела звёзд очень давно. Годы. Может быть, намного дольше.

Когда был последний раз? Колледж? Поездка в Аризону с подругами? Она училась на втором курсе, они взяли машину напрокат, уехали в пустыню. Там, за пределами города, небо

было чёрным. Настоящая чернота. И звезды — сотни, тысячи, миллионы. Она лежала на крыше недорогого мотеля, слушала, как подруги обсуждают парней, и чувствовала себя такой маленькой, ничтожной, но при этом... живой.

Настоящей.

Сейчас она не чувствовала ничего.

За ее спиной шелкнул замок ванной — Люк закончил душ. Его шаги — лёгкие, почти кошачьи — направились в гостиную. Она слышала, как он включил телевизор. Какой-то спортивный канал. Комментатор что-то возбужденно вещал о баскетбольном матче.

Люк крикнул, но она не разобрала.

Эллисон смотрела в небо.

Ни одной звезды.

Ей вдруг захотелось закричать. Или заплакать. Или разбить бокал об эти идеальные перила. Просто чтобы услышать звук. Настоящий звук, а не этот бесконечный гул города, который стал фоном её жизни.

Она не закричала. Не заплакала. Не разбила бокал.

Вместо этого она сделала глубокий вдох — и поняла, что воздух Лос-Анджелеса не имеет вкуса.

Чистый, сухой, искусственный. Как запах в больнице.

Она вспомнила, каким был воздух там, где она выросла. Влажным, тяжёлым, с запахом сосновой хвои, нагретых камней, свежескошенной травы. Сладким, как мёд, и горьким, как полынь.

Последний раз она дышала этим воздухом десять лет назад.

Эллисон повернулась, вошла в квартиру, прошла мимо Люка — он развалился на диване, укутанный в махровый халат, его идеальные ноги свешивались с подлокотника — и направились в спальню.

— Эй, Купер, ты чего?

— Ничего. Спи.

— А суши?

— Если хочешь есть — закажи сам.

Она закрыла дверь. Достала из ящика прикроватной тумбочки свой старый телефон — тот, который не использовала для работы. Старый, потрепанный «iPhone» с трещиной на экране. Открыла контакты.

«Папа».

Время в Нью-Гэмпшире — на три часа позже. Половина первого ночи здесь, значит, там половина десятого. Он еще не спит. В последнее время она звонила редко — раз в две недели, коротко, и всегда по делу. Как он, все ли хорошо, не нужны ли деньги. Никогда не нужны. Билл Куппер был гордым человеком. Слишком гордым.

Она нажала вызов.

— Эллисон? — Голос отца — низкий, немного хриплый, с той мягкой интонацией, которая появлялась только когда он говорил с ней. — Ты чего не спишь?

— Пап, — сказала она. И замолчала.

В трубке слышалось его дыхание. Где-то далеко — телевизор, но тихо, почти неслышно. Кухонные часы тикают. Отец всегда ставил часы на кухне, большие, с кукушкой, которые он привёз из Германии ещё когда мама была жива.

— Дочка, что стряслось?

— Ничего не стряслось. — Она провела рукой по волосам — каре, идеально ровное, только что после душа, ещё влажное. — Пап, я хочу домой.

Долгое молчание.

— Надолго? — спросил Билл Куппер.

— Не знаю. Неделю. Может, две. Я устала, пап. Я очень устала.

В трубке раздался странный звук. Отец кашлянул, но она поняла — это был не кашель. Это был вздох. Облегчения? Или, наоборот, тревоги?

— Приезжай, — сказал он просто. — Комната твоя в порядке. Обои только новые поклеили, розовые, в цветочек. Марта сказала, тебе понравится.

— Марта?

— Ну... соседка. Ты разве не помнишь? Марта Стюарт. Мы с ней в прошлом году вместе огурцы солили. У неё веранда большая, тенистая.

Эллисон почти улыбнулась. Почти.

— Приеду, пап. Завтра же что-нибудь решу с билетами.

— Ты это... — Он запнулся. — Ты одна приезжаешь? Или с кем... своим?

— Сама. Я одна.

— Ну и ладно. — В его голосе прозвучало облегчение. Теперь точно облегчение. — Смотри на погоду — тут весна, но прохладно еще. Ветровка нужна. У тебя есть ветровка?

— У меня есть все, пап.

— Ветровка есть? Не тонкая, а нормальная? С флисом?

— Я найду.

— Так... ладно. Я тебя встречу. Только скажи когда.

Они попрощались. Она сбросила вызов и долго смотрела на тёмный экран. Потом встала, подошла к шкафу, достала дорогой немецкий чемодан. Поставила на кровать.

Дверь спальни приоткрылась.

— Купер, ты серьезно? — Люк просунул голову в щель, его влажные волосы были зачёсаны назад. — Ты куда-то собралась? Нам завтра на ужин к твоему инвестору. Ты забыла?

— Позвонишь инвестору. Скажешь, что я заболела.

— Заболела? — Он фыркнул. — Ты никогда не болеешь. Ты — машина.

— Значит, машина сломалась, — ответила она, складывая в чемодан чёрные брюки и чёрную блузку. Все её вещи были чёрными или серыми. Как униформа. Как доспехи. — Я уезжаю. На неделю. Может быть, на две.

— Куда?

«Домой», — хотела сказать она. Но не сказала.

Десять лет она избегала этого слова. Дом — это Лос-Анджелес. Дом — это квартира с панорамными окнами, работа, успех. Дом — там, где ты нужен. Где ты важен.

Но сейчас, стоя с чемоданом в руке, глядя в удивлённое, красивое лицо мужчины, который не понимал, что происходит, Эллисон Купер поняла: она была нужна здесь. Но не была важна.

Не для него, это точно.

— В Нью-Гэмпшир, — сказала она. — К отцу.

Люк удивлённо молчал целую минуту. Потом моргнул, качнул головой, и в его голубых глазах промелькнуло что-то — обида? растерянность? страх потерять удобную квартиру, красивую женщину, статус?

— А как же квартира? — спросил он.

— Ты можешь остаться. Поживешь здесь, пока меня нет. — Она закрыла чемодан. Звук молнии показался ей слишком громким. — Только лейку найди для фикуса. Он засохнет без полива.

— Я ведь не умею ухаживать за растениями.

— Тогда купи новый, когда вернусь. — Она взяла чемодан за ручку. Повернулась к нему. — Утром у меня встреча. Потом звонок с Ким. После обеда буду покупать билеты. Ты справишься здесь без меня?

— Конечно, — сказал он слишком быстро. — Конечно, справлюсь. Ты только скажи, где лежат полотенца.

— В шкафу. Во втором отделении. И не трогай красное, оно для гостей.

Она вышла из спальни, прошла через гостиную — телевизор все ещё работал, какой-то комментатор кричал о трехочковых бросках — и остановилась у входной двери.

Люк стоял в дверях спальни. Красивая картинка: высокий, мускулистый, в халате нараспашку. Если бы кто-то снимал здесь кино, критики сказали бы: «Слишком идеально. Неправдоподобно».

— Куп, — позвал он. — Ты это... вернёшься ведь?

Она не ответила.

Секс сегодня длился девять минут.

Короткий даже по их меркам. Она смотрела на своё отражение в большом зеркале прихожей. Тонкая, стройная женщина в шелковом халате, с влажными тёмными волосами, уложенными в идеальное каре. Серые глаза — слишком серьёзные для двадцати восьми лет. Веснушки на носу и щеках, которые она всегда прятала тональным кремом. Сейчас, без макияжа, они были видны отчетливо. Как свидетельство чего-то настоящего. Чего-то, что она пыталась стереть.

Она закрыла глаза, потом развернулась и пошла обратно в спальню. Чемодан остался стоять у двери — до утра.

Глава 1. Город, который никогда не спит

1.1. Понедельник, 8:47 утра. Офис «Купер Индастриз», Лос-Анджелес, 23-й этаж

Кофе остыл ещё пятнадцать минут назад, но Эллисон все равно его пила.

Горький, крепкий, чёрный — без сахара, без молока, без смысла, кроме одного: кофеин должен был попасть в кровь, разогнать сонливость по капиллярам, заставить мозг работать на полной мощности. Она смотрела на экран ноутбука, где цифры в смете прыгали, складывались, умножались и снова распадались на составляющие. Семь миллионов двести тысяч долларов на заливку фундамента. Три миллиона на арматуру. Сорок пять тысяч на доставку.

Цифры имели вкус. Эллисон знала это, хотя никому не говорила. Миллиарды пахли влажным цементом — как после дождя. Миллионы — металлом и холодной водой. Тысячи — бумагой, старой, пожелтевшей, из библиотеки, где почти никто не бывает.

Сегодняшняя сделка пахла пылью.

Плохой знак.

В дверь постучали — три коротких, два длинных.

— Заходи.

Дэвид Блэквуд просунул голову в щель. Лысеющий мужчина с добрыми глазами навывкате и маленькой родинкой под левым ухом — Эллисон заметила эту деталь в первый же день его работы, три года назад, и теперь неосознанно проверяла, не исчезла ли родинка. Она была одержима деталями. Может быть, потому, что сама старалась не замечать главного.

— Доброе утро, — сказал Дэвид. Его голос всегда звучал так, будто он извинялся. Даже когда желал доброго утра. — Я принес таблицы. И... — Он помялся. — Дженкинс на проводе. Говорит, хочет обсудить поставки бетона до планерки.

— Не обсуждайте. — Эллисон взяла ручку — чёрную, гелиевую, с колпачком, который она откусывала, когда нервничала. Сейчас колпачок был цел. — Мы обсудим бетон на планерке. В десять. С ним и с остальными. Никаких предпочтений. Он ждёт, потому что его родственник владеет бетонным заводом, а мы нашли поставку на пятнадцать процентов дешевле. Вопрос закрыт.

Дэвид кивнул, записывая что-то в планшет. Его пальцы — короткие, с желтоватыми ногтями — дрожали. Эллисон заметила, что на указательном пальце правой руки откушенный ноготь почти до мяса. Значит, он нервничает сильнее обычного.

— Что ещё? — спросила она.

— Звонила ваша подруга. Бекка. Она беспокоится, что вы не отвечаете на её сообщения. И что у неё билеты на закрытый показ в пятницу, и она вас ждёт.

Эллисон посмотрела на телефон. Девять непрочитанных сообщений. Три от Бекки, два от Джеммы, одно от отца («Билет купила?»), и три от Люка. Последнее Люка: «Ты серьезно уже уехала?»

«Что значит «уехала?»» — подумала она. Она еще никуда не уехала. Она сидит в своём офисе, пьёт холодный кофе и смотрит на цифры, от которых у любого нормального человека закружилась бы голова.

Но где-то в подсознании она уже была в пути.

— Скажите Бекке, что я подумаю. — Она открыла таблицы Дэвида. Ошибка в третьей колонке — он перепутал марку цемента. — Дэвид, M500 и M400 — это не одно и то же. Переделаете. У вас десять минут.

— Но планёрка...

— Поэтому она в десять. Идите.

Дэвид ушёл, оставив после себя запах резкого одеколona. Эллисон потеряла переносицу, где под тональным кремом прятались её веснушки. Без них лицо Эллисон выглядело слишком строгим. И слишком взрослым. Иногда она думала, что веснушки — единственное, что осталось от той девочки, которая когда-то жила в Нью-Гэмпшире и отчаянно верила, что мир будет к ней добр.

«Я ошиблась», — подумала она. «Мир не бывает добрым. Мир бывает эффективным или неэффективным. Выгодным или убыточным.»

Она ненавидела, когда думала такими категориями. Но как оказалось, она научилась думать иначе.

Она должна была позвонить Ким из отдела по связям с инвесторами. В одиннадцать — встреча с юристами по поводу иска от субподрядчика, который требовал неустойку в полмиллиона. В час — обед с мэром, который хотел поговорить о «социальной ответственности бизнеса» и, возможно, о пожертвованиях в его избирательный фонд.

Билеты она купила в шесть утра, когда ещё было темно, а Люк храпел в гостиной на диване — он так и не зашёл в спальню после её возвращения с балкона. Она сидела на кухне, пила третью чашку кофе, смотрела на огни города, которые не гасли даже в шесть утра, и нажимала кнопки на сайте авиакомпании.

Сначала Бостон. Оттуда на такси до Уайт-Маунтинс — два часа. Или отец встретит. Он предлагал. У него старый «Форд F-150» 2012 года, который он называет «ласточкой», хотя ласточка должна быть лёгкой и быстрой, а этот грузовик напоминал скорее доисторического ящера.

Она купила билет с невозвратным тарифом.

Потому что знала: если позволит себе возможность передумать — передумает.

Допила кофе. Встала. Подошла к окну, которое выходило на центр Лос-Анджелеса: стекло, бетон, вечная пробка на бульваре Уилшир.

За двадцать восемь лет она успела забыть, что такое небо без горизонта.

1.2. Вторник, 19:15. Ресторан «Маса», Беверли-Хиллз

— Ты выглядишь как дерьмо.

Бекка Фостер не умела смягчать формулировки. Пожалуй, это было её главное достоинство и главный недостаток. Сейчас, сидя напротив Эллисон за столиком в «Масе» — том самом, куда невозможно попасть без записи за три месяца, — она выглядела как ожившая обложка модного журнала: рыжие волосы уложены в идеальные локоны, платье от «Valentino» цвета морской волны — пять тысяч, туфли «Louboutin» — тысячу двести за пару, сумочка «Chanel» — её Бекка привезла из Парижа прошлой осенью и ни разу не повторила образ, чтобы сумка не заскучала.

Эллисон, в отличие от подруги, надела чёрные брюки, чёрную блузку и чёрные балетки. Единственным цветным пятном была помада — тёмно-вишневая, почти чёрная.

— Спасибо, — ответила она. — Ты тоже.

— Я серьёзно. — Бекка откусила кусочек рисового пирожка и закатила глаза от удовольствия. Её ногти — наращенные, с рисунком «чешуя дракона» — блеснули при свете свечей. — У тебя под глазами круги. Ты спала вообще?

— Вчера спала.

— Сколько?

— Четыре часа.

— Купер, ты меня пугаешь. — Бекка отложила палочки. На среднем пальце её правой руки красовалось кольцо с изумрудом — подарок бывшего парня, который она носила назло новому. — Ты всегда спала по шесть. Это твоя норма. Четыре — это катастрофа.

— У меня был сложный день.

— У тебя каждый день сложный. — Рядом с Беккой сидела Джемма Холл — вторая подруга, полная противоположность первой. Если Бекка была яркой, громкой, наступающей, то Джемма — тихой, мягкой, ускользающей. Светлые волосы собраны в низкий пучок, одежда нейтральных тонов, макияж — только тушь. На шее — кулон в форме полумесяца, дешёвое серебро, которое она носила, не снимая, с шестнадцати лет. — Ты сказала, что летишь к отцу. Это правда?

— Правда.

— Надолго?

— Пока, не знаю.

Бекка и Джемма переглянулись. Тот самый взгляд, который женщины обмениваются, когда речь идёт о чем-то важном и невысказанном. Эллисон видела этот взгляд сотни раз — на совещаниях, на переговорах, в зале суда. Она научилась его понимать.

Бекка думала: «Она сбегает от Люка».

Джемма думала: «Она сбегает от себя».

Обе были близки к истине, но ни одна не угадала полностью.

— А Люк? — спросила Бекка. — Он что говорит?

— Он остаётся в квартире. Присмотрит за цветами.

— За цветами, — повторила Бекка. — Вот это серьёзный шаг в отношениях. Он остаётся присмотреть за цветами, пока ты улетаешь непонятно на сколько. — Она взяла бокал с саке, отпила половину. — Мужики — идиоты.

— Не все, — тихо сказала Джемма.

— Все, — отрезала Бекка. — Просто некоторые хорошо притворяются. — Она посмотрела на Эллисон, и её глаза — небесно-голубые, слишком светлые для рыжих волос — вдруг стали серьёзными. — Куп, ты с ним счастлива?

Эллисон взяла салат из морского ежа. Маленькая порция — сто двадцать долларов. Она положила его в рот, почувствовала солёный вкус океана, нежный, почти приторный. Потом запила саке.

— Счастье, — сказала она, — это сложное слово.

— Вот поэтому я и говорю. — Бекка щелкнула пальцами, подзывая официанта. Ещё саке. И ещё салат с угрём. И роллы с лобстером. — Ты слишком много работаешь. У тебя в голове одни цифры. Ты даже сексом занимаешься с калькулятором в голове.

— Я не занимаюсь сексом с калькулятором.

— Я фигурально говорю. — Бекка подалась вперед, понизила голос до секретного шепота. — Он тебя удовлетворяет?

— Бекка! — Джемма покраснела, хотя покраснеть в её возрасте было смешно.

— Что? — Бекка даже не смутилась. — Важный вопрос. Если человек тебя не удовлетворяет, зачем он вообще нужен? Друзей можно найти. Деньги — заработать. А оргазм — это базовая потребность, как еда или сон.

Эллисон чуть улыбнулась. Бекка была вульгарной, бесцеремонной, иногда невыносимой. Но в ней была жизнь — такая, какой в Эллисон не осталось уже давно.

— Он меня удовлетворяет, — солгала она. — Все нормально.

— Нормально — не значит хорошо. — Бекка уставилась на нее. — Ты знаешь, что я недавно ходила на свидание с тем парнем, с которым познакомилась в спортзале? Так вот, у него член...

— Бекка! — Джемма закрыла лицо руками. — Мы в ресторане!

— ...такой, что я три дня еле ходила. — Бекка закончила фразу, не обращая внимания на протесты. — Я не говорю, что размер имеет значение. Но когда человек умеет им пользоваться... — Она мечтательно закатила глаза. — Крис, так его звали. Работает в IT, представляет себе, ага? Но в постели — зверь. Жалко, что он переехал в Остин на прошлой неделе.

— Ты всегда влюбляешься не в тех, — заметила Джемма.

— Я не влюбляюсь. Я получаю удовольствие. — Бекка поправила платье, сползающее с плеча. — Есть большая разница.

— Огромная, — тихо сказала Эллисон.

Она смотрела, как подруги спорят о мужчинах, отношениях, оргазмах — о той жизни, которая кипела за пределами её офиса. О жизни, в которой люди спонтанно целовались в лифтах, просыпались в обнимку, ссорились из-за немытой посуды и мирились в ванной.

Когда у нее в последний раз была такая жизнь?

В колледже? Нет, в колледже она была слишком занята учёбой и подработками, чтобы отвлекаться на романы. Хотя и там она не была монашкой.

В школе? Возможно.

В школе был Логан.

Эллисон вздрогнула, будто кто-то коснулся ее плеча ледяной рукой. Имя всплыло из темноты памяти непрошенное, неуместное. Она не думала о нем уже... сколько? Десять лет?

Последнее письмо она написала ему через два месяца после переезда в Лос-Анджелес. Длинное, сбивчивое, в котором рассказывала о новой жизни: о шумном общежитии, о девушке из Техаса, с которой они делили комнату, о первой поездке на пляж, где океан оказался холоднее, чем она думала.

Он не ответил.

Сначала она ждала. Потом обиделась. Потом забыла.

— Эллисон? — Джемма коснулась ее руки. — Ты где?

— Вспомнила кое-что.

— Плохое?

— Да нет. — Она покачала головой. — Старое. Все это было очень давно.

Бекка хотела спросить что-то ещё, но в этот момент официант принёс заказ, и разговор утонул в звуках — звоне тарелок, шорохе рисовой бумаги, и смехе за соседним столиком.

Когда они вышли из ресторана, часы на башне (Эллисон все время забывала, как называется эта башня) показывали девять. Лос-Анджелес жил своей ночной жизнью: вереницы огней,

мерцание реклам, музыка из открытых дверей баров. Город дышал жаром, как большой зверь, который никогда не спит.

— Ты правда улетаешь завтра? — спросила Бекка, садясь в машину к Джемме — та была трезвая, все еще на соке, потому что за руль Бекку нельзя было пускать даже после одного бокала.

— Правда.

— Тогда давай прощаться. — Бекка обняла ее. Очень крепко. — Ты только, это... возвращайся к нам. Хорошо? Не задерживайся слишком надолго. У тебя здесь жизнь.

— У меня здесь работа, — поправила Эллисон.

— Это почти одно и то же.

Джемма обняла ее молча. Только прижалась щекой к плечу и замерла на секунду. Потом в ее руке оказалась маленькая коробочка, перевязанная бечевкой.

— Это тебе, — сказала она. — В дорогу. Чай. Успокаивающий. С ромашкой и мятой. Ты же знаешь, я сама собираю травы.

Эллисон взяла коробочку. Простой картон, никаких брендов. Пахло летом, сеном, чем-то домашним.

— Спасибо, — сказала она. И удивилась тому, как тихо прозвучал её голос.

— Береги себя. — ответила Джемма. — И вспомни там, откуда ты родом.

Машина уехала, оставив Эллисон одну у входа в ресторан. Она стояла, смотрела, как красные огни бамперов тают среди потоков других машин, и думала о том, что Джемма сказала странную вещь.

«Вспомни, откуда ты родом».

Она и так помнила. Она помнила каждую тропинку, каждый камень, каждую трещину на асфальте перед домом. Помнила запах сосен, эхо в горах, вкус воды из озера — пресной, с нотками водорослей.

Помнила, как бежала босиком по мокрой траве в грозу.

Как строила шалаш в лесу вместе с мальчиком, у которого были самые синие глаза, какие она когда-либо видела.

Она помнила все.

Проблема была не в памяти.

Проблема была в том, что она не знала, как вернуться.

Не в Нью-Гэмпшир.

А в ту девочку, которая могла бегать босиком и смеяться, не оглядываясь на часы и таблицы.

Эллисон поймала такси. Назвала адрес. Села на заднее сиденье, пристегнулась — всегда пристегивалась, привычка, выработанная годами, когда жизнь казалась хрупкой, как китайский фарфор.

Водитель включил радио. Какой-то медленный джаз, саксофон. За окнами проплывали огни, лица, жизни.

Она закрыла глаза и попыталась представить, как будет выглядеть её комната в Уайт-Маунтинс.

«Может, отец действительно сменил обои?» — подумала она. — «Розовые в цветочек?» Марта, соседка. Отец говорил, она хорошая женщина. Печёт пироги. Заботится о нем.

Эллисон вдруг поняла, что не знает, любит ли кто-нибудь её отца. По-настоящему. Целует ли его на ночь. Готовит ли ему завтрак.

Она не знала этого десять лет.

В кармане пальто завибрировал телефон.

Сообщение от Люка: «Я тут нашёл твой старый альбом с фотографиями. Ты была симпатичной раньше. Но теперь, намного лучше».

Она не ответила.

Потом ещё одно: «Когда ты вернёшься? Я скучаю».

Она знала, что не скучает. Он скучал по порядку — по тому, чтобы его кормили, чтобы был секс, чтобы не нужно было думать о бытовых мелочах. По ней, как по личности, он не скучал никогда.

Третье сообщение: «Мне кажется, твой фикус заболел. Он желтеет. Я не виноват!»

Эллисон почти улыбнулась.

1.3. Среда, 5:30 утра. Лос-Анджелес, квартира Эллисон

Чемодан стоял у двери.

В нем было три пары джинсов, свитер (шерстяной, серый, который она купила пять лет назад и ни разу не надела), две футболки, кроссовки, туалетные принадлежности и книга «К востоку от Эдема» Стейнбека. Книгу она взяла, потому что читала её в школе и случайно вспомнила о ней вчера вечером. И потому что в этой книге было что-то правильное, американское, земляное.

Городские книги были другими. Они пахли типографской краской и дорогой бумагой.

Эллисон стояла у окна в спальне, смотрела, как Лос-Анджелес медленно просыпается. Розовые отблески на стёклах небоскрёбов. Вереницы машин на шоссе — люди едут на работу, в свои офисы, к своим проектам, к своим маленьким победам и большим поражениям.

Она подумала: «Как они это выносят? Каждое утро просыпаться и делать одно и то же. Каждый день — бесконечные встречи, отчёты, дедлайны. Где они берут силы?»

Ответ пришёл быстро: они не берут. Они просто не замечают, как умирают внутри. По капле. По секунде. По утраченному воспоминанию о том, каково это — дышать полной грудью.

Она подошла к зеркалу.

Серые глаза. Тёмные волосы, уложенные в каре — стрижка каждые три недели, тот же мастер, тот же салон, двадцать минут от дома. Веснушки, которые она замазала тональным кремом, но сейчас, без макияжа, они проступили снова — россыпь золотистых точек на переносице.

Она даже не помнила, когда впервые начала их прятать.

Наверное, в колледже. Кто-то сказал: «веснушки — это по-деревенски». Или она сама так решила? В Лос-Анджелесе все было гладким, блестящим, искусственным. Даже люди.

В коридоре раздался звук — Люк включил кофемашину. Шипение пара, гул помпы.

Она вышла на кухню.

Люк стоял в одних боксёрах, его идеальное тело было покрыто лёгким загаром — солярий два раза в неделю. Он потягивал эспрессо из белой чашки, листая ленту в телефоне. Увидев её, поднял голову.

— Ты сегодня улетаешь?

— Да.

— Надолго?

— Я не знаю, Люк. — Она налила себе кофе — в ту же чашку, что вчера, даже не помыла. — Я тебе уже говорила.

— Ага. — Он поставил чашку. Посмотрел на нее. В его глазах — бездонно-голубых, как бассейн в отеле «Бeverли-Хиллз» — было что-то странное. Нежность? Или просто утренняя сонливость? — Слушай, Купер... Я тут подумал. Может, нам стоит... ну, ты знаешь. Сделать следующий шаг?

— Какой?

— Переехать ко мне? Или я к тебе? — Он пожал плечами. — Я останусь в твоей квартире, пока тебя нет. Но когда вернёшься... может, проживем вместе? По-настоящему? Не только ночёвки по выходным?

Эллисон смотрела на него и чувствовала... ничего.

Не радость. Не страх. Не удивление.

— Ты серьёзно? — спросила она.

— А почему нет? Нам хорошо вместе. — Он подошёл ближе, положил руку ей на талию. Его пальцы — длинные, с аккуратными ногтями, без единой заусеницы — скользнули под край футболки. — У меня скоро контракт с «Армани». Я буду много зарабатывать. Ты тоже. Представляешь, какая у нас будет жизнь?

«Какая у нас уже есть жизнь», — хотела сказать она. Дорогие рестораны, вечеринки, секс по расписанию, редкие пустые разговоры и полное отсутствие человеческого тепла.

Она не сказала, это вслух.

— Я подумала, — произнесла она неопределённо.

Люк поцеловал её. Губы у него были мягкими, пахли кофе и мятой зубной пастой. Поцелуй был умелым, тренированным, как у модели, которая целуется на камеру — чувственно, но без души.

Она ответила механически.

— Ладно, — сказал он, отстранившись. — Я тебя отвезу в аэропорт?

— Не надо. Я вызову такси.

— Как знаешь. — Он взял телефон, снова уткнулся в экран. — Будь там осторожна. В этих ваших лесах медведи водятся.

— Там нет медведей, Люк.

— А кто там водится?

Она хотела сказать: «Никто. Там вообще никого нет. Только тишина и звезды».

Но не сказала.

— Люди, — ответила она. — Обычные люди.

В семь утра такси уже ждало у подъезда. Эллисон спустилась на лифте, держа чемодан одной рукой — в другой был стакан кофе навынос и телефон. Она нажала кнопку вызова, дождалась, пока откроются двери, и шагнула в утро Лос-Анджелеса.

Город уже с утра пах выхлопными газами и цветущим олеандром. Было прохладно — градусов пятнадцать, не больше. Она не взяла ветровку. Отец просил. Но она забыла.

— В аэропорт, — сказала водителю.

Он кивнул — мужчина лет шестидесяти, с тагуировкой дракона на шее — и включил счётчик.

Машина двинулась в поток.

Эллисон смотрела в окно. За десять лет она покидала Лос-Анджелес много раз: командировки, отпуска, конференции. Но никогда — вот так. Без определённой даты возвращения. Без плана.

Она чувствовала себя дезертиром.

И впервые за много лет — свободной.

В самолете она сидела у окна. Соседом оказался мужчина в костюме, который всю дорогу что-то печатал в ноутбуке — отчёт, презентация, бюджет. От него несло дорогим одеколоном и адреналином. Таким же, каким пахла она сама ещё вчера.

Самолёт взлетел. Лос-Анджелес остался внизу — огромный, серо-золотой, пульсирующий жизнью, которая казалась правильной, пока не всмотришься на неё в упор.

Эллисон отвернулась от иллюминатора и закрыла глаза.

Ей снился сон.

Она бежала по лесу. Босиком. Трава щекотала ступни, ветки хлестали по лицу, но ей не было больно — только весело. Ветер свистел в ушах. Кто-то бежал рядом — она не видела лица, только тень, длинную, быструю.

— Догоняй! — крикнула тень.

— Я бегу! — закричала она в ответ.

Резко проснулась от того, что самолёт коснулся шасси.

Бостон.

Холодный, влажный воздух ударил в лицо, когда она вышла из терминала. Другой воздух. Он пах дождём, асфальтом, чем-то сладким — может быть, кленовым сиропом, может быть, просто свежескошенной травой.

Отец уже ждал у выхода.

Она узнала его сразу, хотя он сильно изменился. Билл Куппер был выше её на голову, широкоплечий, с густой сединой в тёмных волосах и морщинами, которые стали глубже. Он похудел — сказывалось одиночество, однотипная еда, нежелание готовить для себя. Но глаза — такие же серые, как у неё, — остались прежними: тёплыми, внимательными, чуть насмешливыми.

— Эллисон, — сказал он. И развёл руки.

Она шагнула в круг его объятий.

От Билла исходил запах старой древесины и ванили.

— Пап, — сказала она в его плечо. — Я так соскучилась.

Он ничего не ответил. Только погладил её по голове — как в детстве, когда она плакала из-за разбитой коленки или потерянной игрушки.

— Поехали, — сказал он наконец. — Дорога дальняя. Ты, наверное устала и очень голодна.

— Не очень.

— Марта напекла пирогов с яблоком. Сказала, что ты их полюбишь.

— Я уже их люблю. — Эллисон улыбнулась. — Спасибо, пап.

— Не мне спасибо. Марте.

Он взял её чемодан — лёгкий, почти пустой — и понёс к машине.

Она пошла следом, вдыхая бостонский воздух, и чувствовала, как внутри, глубоко, в том месте, где десять лет была пустота, что-то начинает шевелиться.

Осторожно.

Боязливо.

Как цветок, который пробивается сквозь асфальт.

Глава 2. Дом, где пахнет яблоками

2.1. Дорога в Уайт-Маунтинс

Дорога из Бостона в Уайт-Маунтинс заняла два часа и семь минут. Эллисон считала минуты — старая привычка, от которой она не могла избавиться, даже сидя в отцовском грузовике, слушая кантри-радио и глядя, как пейзаж за окном меняется с городского на пригородный, а потом — на почти дикий.

Сначала были бостонские пригороды: аккуратные домики с газонами, торговые центры, бесконечные светофоры. Потом дорога пошла на север, и города стали реже, леса — гуще. Сосны. Ели. Берёзы с белыми стволами, похожими на спички, воткнутые в землю.

Отец вел машину молча. Он всегда был немногословным, но сегодня его молчание казалось другим — не стеснительным, а уважительным. Как будто он давал ей время привыкнуть.

Привыкнуть к тому, что за окном нет бетона, привыкнуть к тишине — настоящей, не приглушённой кондиционерами и шумом вентиляции.

— Ты изменилась, — сказал он наконец. — Похудела.

— Ты тоже, пап.

— Я не худел. — Он усмехнулся. — Я просто стал более... обтекаемым.

Она посмотрела на его профиль: прямой нос, волевой подбородок, морщинки в углах глаз. Он был красивым мужчиной — даже сейчас, в пятьдесят. Мама говорила, что влюбилась в него с первого взгляда. Прямо на школьной ярмарке. Он продавал лимонад, а она проходила мимо. Он подмигнул. Она упала в обморок. Буквально — грохнулась в обморок, потому что стояла жара, а она не завтракала.

— Расскажи о Марте, — попросила Эллисон.

Отец напрягся. Кажется, он немного волновался.

— А что о ней рассказывать? Она моя соседка. Хорошая женщина. Печёт очень вкусные пироги.

— Ты уже говорил про пироги.

— Ну, и ещё... — Он замолчал. Потёр подбородок тыльной стороной ладони — жест, который Эллисон помнила ещё с детства. — Она вдовствует уже лет восемь. Муж утонул на рыбалке. Лодка перевернулась. — Он помолчал. — Говорят, он пьяный был. Не знаю, не верю я слухам.

— А вы... — Эллисон осторожно подбирала слова. — Вы с ней... ну...

— Что «ну»? — Отец посмотрел на неё с притворным непониманием. — Мы просто соседи. Она мне иногда суп варит. Я ей дрова колю. Огород вскапываю.

— И все?

— А что еще надо? — Он пожал плечами. — Нам уже не по семнадцать, Элли. В нашем возрасте важнее, чтобы человек был рядом, когда занеможешь. А не это... — Он махнул рукой, не договорив.

«Не это», — повторила про себя Эллисон. Она не была уверена, что понимает, что именно он имеет в виду. Возможно, секс. Возможно, страсть. Возможно, то безумное, молодое, что заставляет людей делать глупости и разбивать друг другу сердца.

Она вдруг подумала о Люке. Интересно, он со своим отцом когда-нибудь говорил о таких вещах? Думаю, нет. Никогда.

— А ты? — спросил отец, не глядя на нее. — Тот твой... модель. Он тебя любит?

Эллисон засмеялась — коротко, но как-то безрадостно.

— Он думает, что да. Но кажется, он путает любовь с комфортом.

— А ты?

— А я путаю любовь с обязанностью. В городе всё намного сложнее чем кажется, пап.

Отец ничего не сказал. Только включил поворотник — они съезжали с шоссе на дорогу поменьше, двухполосную, с выбоинами и заплатками. Вдоль обочин росли полевые цветы — жёлтые, лиловые, белые. Эллисон забыла их названий. За десять лет забыла, как называются цветы, которые росли у неё под ногами восемнадцать лет.

— Он остался в твоей квартире, — сказал отец.

— Да.

— Это правильно? Ты ему доверяешь?

— Ему — да.

Впереди показался указатель: «Уайт-Маунтинс — 7 миль».

Сердце Эллисон забилось быстрее. Она не была готова. Она думала, что у неё будет больше времени — день, два, неделя. Но вот он, город. Семь миль. Пятнадцать минут езды.

— Пап, — сказала она. — А что изменилось?

— Всё, — ответил он. — И кажется, ничего. — Он помолчал. — Школу новую построили. Аквапарк открыли на озере. Морозильник закрылся. Ты же помнишь морозильник?

Она помнила. Маленькое кафе на главной улице, где продавали самое лучшее мороженое в мире. Шоколадное с мятой. Она брала его каждый день после школы вместе с...

Не надо. Не сейчас.

— А люди?

— Люди как люди. — Отец свернул на главную улицу. — Кто-то уехал. Кто-то остался. Кто-то состарился. Кто-то женился. Твоя подруга Сара Грей, помнишь?

Конечно, она помнила Сару. Сара была на год младше, но они учились в одной школе. Светлые волосы, веснушки — настоящие, не такие, как у Эллисон, а крупные, коричневые. Сара всегда хотела быть популярной. Всегда завидовала тем, у кого что-то получалось.

— Она теперь в администрации работает. Замом мэра, представь себе. — Отец усмехнулся. — И за Логаном все так-же бегают. Ты же помнишь Логана? Друг твой детский. Он... — Отец запнулся. — Он хорошим человеком стал. Врачом работает. Девочку из приюта взял. Хелен, кажется. Славная малышка.

Эллисон замерла.

Она готовилась к многому. К старой школе. К дому. К озеру. К запахам и звукам. Но не к этому имени. Она опасалась любых новостей от него и хороших и плохих.

Она не думала о нем все десять лет. Ну, почти все. Бывали ночи — редкие, пьяные, глупые, — когда она набирала его номер в старом телефоне, но никогда не нажимала «вызов». Бывали моменты, когда она видела голубоглазого мужчину в толпе и на секунду сердце замирало.

— Логан, — повторила она. — Он... как он?

— Живой. Здоровый. — Отец бросил на неё быстрый взгляд. — Ты не знаешь? Он приезжал к тебе в город. Года через два после того, как ты уехала. Я думал, ты знаешь.

Что?!

Эллисон повернулась к отцу. В голове зашумело — как будто кто-то включил фен на полную мощность.

— Он приезжал? Ко мне?

— Ага. Я ему адрес дал. Он хотел сюрприз сделать. — Отец нахмурился. — Ты что, правда не знаешь? Он вернулся на следующий же день. Ничего не объяснил. Только сказал, что передумал. Я не спрашивал. Не моё дело.

Лос-Анджелес. Два года после отъезда. Эллисон перебирала в памяти: где она была в то время? Училась на втором курсе. Встречалась с... о боже.

Она вспомнила.

Тот парень. Кевин. Высокий блондин, играл на гитаре, писал стихи — полную чушь, но тогда она была влюблена. Или думала, что была влюблена. Они целовались в машине у её общежития. Но если Логан приехал и увидел...

— Пап, — голос её неожиданно сел. — Ты не помнишь, когда именно он приезжал?

— Осенью. Октябрь, кажется. Холодно уже было.

Октябрь. Второй курс. Кевин. Поцелуи у общежития. Тогда она была счастлива. По-глупому, по-молодому, по-неправильному. Но счастлива.

А Логан, наверное, стоял где-то рядом и смотрел на её счастье.

Она закрыла глаза.

— Ты чего? — спросил отец. — Бледная вся. Укачало?

— Нет. — Она открыла глаза. — Все в порядке. Просто... устала с дороги.

Но это была неправда.

Она не устала.

Она была раздавлена.

2.2. Дом на Лейк-Драйв

Дом не изменился.

Ну, почти не изменился. Крышу перекрыли — старые черепицы заменили на новые, тёмно-серые. Окна поменяли на пластиковые — раньше были деревянные, которые отец красил каждое лето. Крыльцо слегка просело с правой стороны — подгнили опоры.

Но в остальном — тот же дом, в котором она выросла. Белый сайдинг, зелёная дверь. Патио с плетеными креслами — мама любила сидеть там по вечерам, смотреть на озеро.

Озеро. Эллисон забыла, каким оно было красивым.

Оно открылось сразу, как только они свернули с главной улицы на Лейк-Драйв. Гладь воды — синяя, с серебряными бликами — тянулась на мили, упираясь в лесистые холмы на горизонте. По берегам росли ивы — старые, кудрявые, касающиеся воды длинными ветвями. Пахло рыбой, водорослями и влажной землёй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.